

## Прощание...

С 4 августа 1964 года отец в движении, объезжает регион за регионом. Теперь, когда мы знаем будущее, кажется, что ему хотелось напутешествоваться на всю оставшуюся жизнь.

Начинает отец с Саратова. 4 августа на местном аэродроме его встречает секретарь обкома Алексей Иванович Шибаев, другое начальство. Первым делом отца везут на поля. Урожай в этом году отменный. Затем отец выступает перед аграриями. Оттуда едут в обком, где на совещании в узком кругу обсуждают специализацию и грядущую реформу экономики. Шибаев горячо поддерживает все начинания. Отец доволен. Одна беда, пока отец 21–23 июля ездил в Польшу, Шибаева в Москве принимал Подгорный. Они нашли общий язык, Шибаев согласился, что «старика» пора убирать.

Накануне отъезда в Саратов, 3 августа 1964 года, Макс Френкель написал в газете «Нью-Йорк Таймс», что на Хрущева давят со всех сторон, румыны его не слушаются, а тут еще ссора с Китаем. «Внутри страны тоже беспокойно, там не затихают дебаты о предпочтениях в инвестировании. Хрущев на первое место ставит производство предметов потребления, во время визита в Венгрию в апреле этого года он повторял: “Главное – люди, их проблемы (здесь я цитирую Френкеля, который цитирует отца), вкусный гуляш, жилье, школы – вот наши приоритеты”. Но с ним согласны далеко не все, Госплан лоббирует тяжелую промышленность, военные недовольны сокращением производства вооружений. Хрущев в сложном положении, его слушаются все меньше, он еще царствует, но власть постепенно ускользает из его рук».

Прочитав перевод статьи, отец никак не отреагировал. За прошедшие годы столько раз пророчили, что ему пришел конец.

5 августа отец в Волгограде. Снова объезжает поля, и тут урожай хоть куда, заезжает на Волжскую ГЭС, затем выступает на общегородском митинге, долго и подробно говорит об интенсификации сельского хозяйства, об ирригации, о предоставлении большей самостоятельности колхозам и совхозам, о преобразовании межрайонных производственных управлений из директивных органов в консультативные, внедряющие в хозяйствах последние научные достижения, и в подтверждение своих планов приводит пример Дании.

6 августа отец уже в Ростове-на-Дону, снова на полях, и здесь урожай отменный.

На совещании в обкоме говорит, что современным руководителям требуются знания, а не зычный голос, они должны глубоко вникать в экономику, стать профессионалами-менеджерами.

8 августа отец – в столице Северной Осетии Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Осетины праздновали 40-летие автономии, и секретарь обкома просто умолял отца приехать, вручить республике орден Ленина. Отец согласился – незачем обижать осетин. По приезду он и тут объехал поля, радующие глаз налившимися колосьями, а вернувшись в город, принял участие в торжествах. Уже поздно вечером у него в резиденции собрались руководители соседних с Северной Осетией областей и краев, снова говорили о предстоящем Пленуме, о

производственных управлениях в частности, и о структуре управления экономикой вообще. Этот разговор застенографирован, и желающие могут с ним ознакомиться (см. Никита Хрущев: 1964. М., МФД, «Материк», 2007).

Отца, как обычно, сопровождал помощник. На сей раз старшего их группы, Григория Шуйского, «хранителя портфеля», отец с собой не взял, отправил отдохнуть перед началом подготовки к Пленуму. С отцом поехал Андрей Степанович Шевченко, ведавший вопросами сельского хозяйства.

В 1989 году Шевченко поделился воспоминаниями с журналистом Анатолием Стреляным. В памяти Шевченко их поездка летом 1964 года слилась в бесконечную череду перелетов и переездов, пыльных дорог и колосившихся полей, обширных залов, заполненных сотнями людей и строгих, без излишеств, обкомовских кабинетов, комфортабельных гостевых резиденций и скромных сельских домиков, порой даже без электричества и с удобствами во дворе. Андрею Степановичу запомнилось преследовавшее их обоих, его и Хрущева, чувство непреходящей, неимоверной усталости.

Вот как он описывает, например, ночь с 8 на 9 августа. Накануне днем турецкие войска высадились на остров Кипр. Президент киприотов, архиепископ Макариос воззвал к мировому сообществу о помощи. Оставшийся на хозяйстве в Москве Брежнев уже поздно вечером, прочитав подготовленный Громыко проект заявления советской делегации в Совете Безопасности ООН, ответственности на себя не взял, посоветовал министру иностранных дел звонить Хрущеву в Орджоникидзе.

«...Звонят из Москвы, – рассказывал Шевченко, – хотят с ним говорить.

– Он уже отдыхает, – объясняю я.

– Разбуди, – настаивают.

– Не могу, очень поздно, разница у нас с Москвой три часа, – отбиваюсь я (на самом деле сдвиг во времени между Москвой и Орджоникидзе всего в час. – С. Х.).

– Нет, разбуди... – настояли они. Вхожу в комнату, где он спит.

– Никита Сергеевич, – окликаю. Спит. Я за плечо подергал.

– Что такое? – встрепнулся он. – Война?

– Война, – отвечаю.

– Кто на кого напал? – Хрущев окончательно проснулся.

– На Кипре что-то загорелось. МИД хочет согласовать с вами заявление по этому поводу.

Согласовали. Он снова уснул».

Вечером 9 августа отец с Шевченко вылетели из Орджоникидзе в Казань. В Татарии отец после обязательной поездки по полям основное время проводит на строящихся и уже построенных, начавших выпускать продукцию, предприятиях нефтехимии. 10 августа, с утра, он уехал на целый день в Бугульму.

«Весь следующий день проехали, – я снова возвращаюсь к воспоминаниям Шевченко в переложении Стреляного. – Наконец вечером остались одни.

– Устал, – предупредил меня Никита Сергеевич. – Чертовски устал. Пойду, отдохну. Если даже война, не будите».

В таком постоянном напряжении отец прожил последнее десятилетие, ему уже пошел восьмой десяток.

Из Татарии отец машиной переезжает в Башкирию, в Уфу. С утра 11 августа посещает химические и нефтехимические промышленные предприятия. Увиденным он остался доволен. Постановление по приоритетному развитию химической промышленности, предусматривающее резкое увеличение производства синтетических волокон, пленок, пластмасс, удобрений, выполнялось. Если и дальше так дело пойдет, то скоро качественная одежда и обувь появятся в изобилии, следом поднимутся урожаи, и мы забудем о зерновой проблеме.

Из Башкирии в приподнятом настроении отец улетел на целину, в Кустанай. 12 августа началась инспекция целинных просторов, передвигался отец где поездом, где машиной, но вечером всегда возвращался в свой вагон. В поезде он и ночевал.

13 августа отец вместе с Шевченко в Целиноградской области (в декабре 1997 г. Целиноград переименован в Астану). Там к ним присоединился британский газетный магнат лорд Рой Томсон. Он давно просил Хрущева об интервью, и отец решил попутно с интервью продемонстрировать англичанину наши целинные достижения.

Дальше я передаю слово отцу. «Я полетел в Казахстан. Приземлившись, я сразу поехал по полям на машине. Не знаю большего удовольствия, чем объезд сельскохозяйственных угодий. Я любил выезжать на целину во время уборки урожая. Едешь на автомашине, и, насколько хватает глаз, вокруг бесконечные поля пшеницы. Когда она выбросит колос, засеянные просторы схожи с морской поверхностью, особенно если гуляют ветровые волны и возникает рябь. То там, то тут островками торчат машины с людьми.

1964 год оказался из всех десяти лет освоения целинных земель самым благоприятным, самым урожайным. После “голодного” 1963 года я просто рвался на целину. Беру “голодный” в кавычки, никакого голода у нас не было, мы собрали достаточное количество зерна, чтобы прокормиться, а чего недоставало, купили за границей. У нас даже осталось зерно (около 3 миллионов тонн) на следующий год. Его заложили в государственный запас.

...Я никогда не получал столько эмоций, как в тот, мой прощальный год. Последний в моей многолетней деятельности в качестве партийного работника и государственного деятеля. Пшеница стояла стеной, густой щетиной. Замечательный урожай!

...Я ехал в открытой машине и глядел поверху стоящей пшеницы. Когда ветерок дунет, волны переливаются, колышутся стебли. Так волнуется пшеничное море. Мне рассказывали, что если на пшенице при таком ветерке разостлать простыню, то она поплывет по верхушкам колосьев, как по волнам. И сейчас, когда я возвращаюсь к прошлому, меня радуют и волнуют приятные воспоминания того времени.

...Затем я пересел в поезд, с тем чтобы передвигаться на короткие дистанции по железной дороге. Мне хотелось осмотреть разные районы, самому убедиться, побеседовать с людьми, с работниками совхозов. Колхозы в это время там стали очень редким явлением, созданные в начале освоения земель, они были преобразованы в совхозы. Повсюду хлеб, хлеб, хлеб. Куда ни приедешь, работают комбайны, люди в поту, с приятной усталостью, с улыбкой.

...К 1964 году на целине мы приобрели опыт выращивания разных культур. Казахи с давних времен умели сеять просо и получали высокие урожаи. При мне на целине просо тоже производили, но на небольших площадях. Научились сеять горох, гречиху, сахарную свеклу и получали неплохие урожаи. Я уж не говорю о ячмене и овсе. Вообще же на целине предпочитали сеять пшеницу и горох как самые ценные в тех условиях культуры. К тому же горох имеет короткий период созревания и, как все бобовые, удобряет почву: в своей корневой системе – клубеньках, накапливает азотистые вещества. Затем научились закладывать на целине сады и лесозащитные полосы, набрались опыта посева льна-кудряша, его стебель идет не на волокно, а из семян получают масло. Провели опыт посева кукурузы на силос, что открывало возможность широкого развития молочного и мясного животноводства. Наступило время вести земледелие на целине широким фронтом, не ограничиваясь монокультурой, повышая доходность сельского хозяйства. Перспектива представлялась мне хорошей, она подтверждала надежды, которые мы питали, приступая к освоению целины. Ее районы обещали стать со временем обжитыми и экономически выгодными.

...На первых порах на целине строили самые примитивные дома, глинобитные, саманные. Потом пошли в ход сборно-щитовые домики, так называемые финские. В 1964 году я заезжал в поселки, которые выглядели уже нарядно и приветливо. Спланировали их неплохо,

в палисадниках росли деревца, создавалось хорошее впечатление и вызывалось чувство уюта. Я даже видел плодоносящие сады.

...Туда приехало много украинцев. А украинцы, куда бы их ни забросила судьба, обязательно посадят яблоню, грушу, а перед окном – мальвы. Без этого они не могут. Кое у кого уже появились детишки. Одним словом, земля оживилась. Распахивалась степь, складывались семьи, уже появилось потомство, люди начали вращаться в эту землю. Мне было очень приятно.

...Сейчас (в конце 1960-х годов, когда диктовались эти строки. – С. Х.) целина стала другой – более совершенная техника, другие кадры, другие условия жизни. Выросла культура людей и культура обслуживания, появились больницы и детские учреждения. Построили колхозные и совхозные клубы. А тогда мы экономили, даже не экономили, а просто зажимали средства. Некоторые могут сказать, что Хрущев недооценивал быт. Нет. Я думал об этом, но прежде требовалось накормить людей, а потом уже изыскивать средства на строительство учреждений, необходимых для культурной жизни человека.

...На целине в мой прощальный приезд я пережил вершину личного счастья. Я проехал большие расстояния на автомобиле, передвигался поездом, опять пересаживался на машину и все ездил и ездил по полям. Везде прекрасный урожай. Как я радовался успеху, радовался труду, вложенному нашими людьми. Вспоминалось замечательное стихотворение Некрасова:

Чудо я, Саша, видал:  
Горсточку русских сослали  
в страшную глушь, за раскол;  
Землю да волю им дали,  
Год незаметно прошел —  
Едут туда комиссары,  
Глядь, – уж деревня стоит,  
Риги, сараи, амбары!  
В кузнице молот стучит,  
Мельницу выстроят скоро...  
Так постепенно в полвека

(я подчеркиваю, «в полвека», а не за десять лет, как у нас. – Н. Х.)

Вырос огромный посад,  
Воля и труд человека  
Дивные дивы творят!..»

«В течение многих часов мы колесили по дорогам поднятой целины. Зрелище – впечатляющее, – дополняет отца Виктор Суходрев, переводчик, прилетевший в Целиноград вместе с лордом Томсоном. – Вокруг будто океан, не видно ни деревень, ни лесов, только сплошные поля пшеницы. До самого края. До горизонта. В любую сторону, куда ни посмотри. В нашу машину подсаживался директор совхоза, на территории которого мы оказывались. Этого директора сменял другой, затем следующий. Так и следовали – от совхоза к совхозу, от директора к директору.

Хрущев частенько просил остановиться. Выходил, лущил на ладони пару колосков, расспрашивал директора и попадавших на пути бригадиров, давал какие-то указания.

Лорду Томсону было тогда под семьдесят. Типичный британский интеллигент, в чисто английском деловом темном костюме-тройке в полоску, в роговых очках с неимоверно тол-

стыми стеклами, он казался инопланетянином в этой абсолютно чуждой ему ситуации. Особенно когда Хрущев приглашал его выйти из машины и помять в руках колоски.

На одной из границ совхозов к машине Хрущева подошла высокого роста женщина лет пятидесяти по фамилии Гуревич. Как выяснилось – выпускница Ленинградского сельскохозяйственного института. Она уже десять лет работала на целине, возглавляла один из крупнейших совхозов. Под ее началом трудились чуть ли не десять тысяч мужиков. Хрущев очень обрадовался, когда услышал все это. Тут же обратился ко мне: “Ты перевел лорду, какие у нас есть женщины?” Вот, дескать, какая – десять тысяч мужиков в кулаке держит! И притом одна из лучших директоров по всем показателям.

Гуревич села в машину, и мы продолжили наш путь. Она рассказывала о достижениях совхоза, без запинки сыпала цифрами. Хрущев улыбался. С гордостью поглядывал на гостя. И урожай хороший, и с животноводством в порядке, и люди живут все лучше и лучше.

Подъехали к полевому стану. Там раскинули огромный шатер, в котором уже были накрыты столы. Хрущев недолго побыл за столом, спешил к поезду. В вагоне Томсон взял у него интервью. Это была последняя беседа Хрущева с западным журналистом. Хрущев выглядел крепким, бодрым и очень энергичным.

И кто бы мог подумать, что через каких-нибудь два месяца его верные соратники напишут в официальном сообщении о Пленуме ЦК, что этот человек освобожден от всех занимаемых должностей в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья».

Такое вот лирическое отступление. Оно позволяет понять чувства отца в предшествовавшие отставке месяцы.